

О ТЕМЕ ДЕТСТВА У ДОСТОЕВСКОГО

Тема детства у Достоевского изучена еще не адекватно ее значимости в творчестве писателя. С другими писателями дело обстоит примерно так же. Действительно, даже самый беглый ретроспективный взгляд не оставляет никаких сомнений, что тема детства на протяжении многих литературных эпох оставалась маргинальной, если вообще уместно говорить о теме как таковой.

Детство принято считать счастливой порой в жизни человека. В культурном сознании все еще живет довольно стершаяся метафора детства как счастья (античность как счастливое детство человечества). Но это счастье в истории культуры часто омрачалось драмой или даже трагедией ребенка и детства. И не только в истории. Древнегреческая мифология дает устрашающие примеры жестокости по отношению к детям: титан Крон пожирал своих детей, фиванский царь Лаий приказывает бросить новорожденного сына Эдипа на съедение диким зверям, близнецов младенцев Ромула и Рема, обреченных на гибель в водах Тибра, вскармливает волчица. За этими мифологическими примерами стоят сотни и тысячи загубленных детских жизней.

В Древней Греции, если «отец не признавал ребенка, его часто выкидывали прочь из дому, что было равносильно смертному приговору. <...> Каким бы бесчеловечным ни казался этот обычай, мы вынуждены принять факт детоубийства в Древней Греции как достоверный и вполне доказанный. Не вызывает сомнений, что в

греческих государствах, прежде всего в Спарте, младенцев, родившихся слабыми или увечными, лишали жизни, опасаясь, что в дальнейшем они станут для государства не опорой, а тяжелым бременем. <...> Вместе с тем зачастую греки стремились избавиться и от вполне здоровых детей, в особенности девочек. Это можно объяснить экономическими условиями...

Ни религия, ни мораль, ни право не осуждали этой жестокой практики детоубийств. Люди, находившие брошенных младенцев и спасавшие им жизнь, также делали это не из сострадания, а из корыстного расчета: они воспитывали себе верного раба или рабыню, за которых в будущем можно было получить немалые деньги».¹

Не лучше обстояло дело и в Древнем Риме, где детоубийство было узаконено. В «Законах XII таблиц», самом раннем законодательстве, послужившем первоосновой римского права, предписывалось умерщвлять младенцев, родившихся слабыми и увечными. Неписанным законом, как и в Древней Греции, оставался и в Риме патернализм, неограниченная власть над ребенком отца, по своей прихоти решавшего жить ребенку или умереть. Протестующие голоса раздавались, но от них был эффект «гласа, вопиющего в пустыне».

В христианстве начинаются некоторые существенные сдвиги в отношении к детству. Миссия приходит в мир младенцем, его жизнь начинается с рождения – как жизнь любого человека. Христианский культ младенца Христа инициировал своего рода реабилитацию детства.

Блаженный Августин начинает свою «Исповедь» с рассказа о младенчестве и детстве. А гонитель и убийца младенцев иудейский царь Ирод предан вечному позору, имя его стало бранным словом.

Но христианство отнюдь не тождественно Средневековью, которое принято называть «культурой взрослых». «Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей». Это пишет не кто-нибудь, а Августин. Он поясняет: «Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата».²

Призыв Христа «будьте как дети» едва ли мог быть услышан в Средние века. Детство, как его тогда понимали – «несамостоятельная стадия, переходное состояние, в нем заключено нечто неполноценное, незавершенное. Это скорее этическое (причем негативное) понятие, чем временное, отчего слово “ребенок”, *kint*, становится в средневековой Германии синонимом для понятий “дурак” или “бесстыдный” (невоспитанный)».³

Средневековое искусство не проявляло никакого интереса к детям за исключением единственного ребенка – младенца Христа. Но: «скульптура и миниатюра, представлявшая Богородицу с Младенцем, рисовала Христа непривлекательным младенцем, почти уродцем, скорее маленьким старичком, чем ребенком». И далее: «Средневековая литература знает родительскую любовь к детям, но практически не знает детей от момента рождения до той минуты, когда герой, оставаясь еще ребенком по возрасту, проявляет себя взрослым, обладающим недетской мудростью и недетской отвагой охотника и воина».⁴ Любование проявлениями в ребенке взрослых качеств оказалось чрезвычайно устойчивой тенденцией в жизни и в искусстве от печально известно-

го детского крестового похода (1212) до Гавроша и детей-смертников.

Отношение к детям как к «недоразвитым взрослым» и поныне омрачает их жизнь и является источником всех форсированных и репрессивных издержек домашнего воспитания и школьной педагогики.

Есть и другие факты культуры Средних веков, подтверждающие стремление «синкопировать» детство. Ценз взрослости вопреки физиологическому развитию составлял у девочек 12, у мальчиков – 14 лет. Обходиться с ребенком как со взрослым означает выдавать желаемое за действительное.

Упорное нежелание признавать детство как ценностно-автономный и самостоятельный возраст человека находило косвенную поддержку в Евангелиях, где о детстве Иисуса Христа почти ничего не сказано. Только в Евангелии от Луки посвящены этой теме несколько стихов второй главы. «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на нем». Это сороковой стих Евангелия от Луки. В сорок втором стихе ему уже 12 лет.

«И тогда случилось вот что: родители Иисуса потеряли его после праздника в Иерусалиме, и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его.

Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их;

все слушавшие Его дивились разуму и ответам его.

И, увидев Его, удивились; и Мать Его сказала Ему: Чадо! что сделал с нами? Вот отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя.

Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно

быть в том, что принадлежит Отцу Моему?

Но они не поняли сказанных Им слов». (Лк: 2, 45-50)

Эти слова благовествования – апофеоз недетской зрелости и мудрости ребенка. Конечно, Иисус был Богодитя. Но он, с другой стороны, должен был обладать и человеческой полнотой детства. И он, по косвенным признакам (апокрифы), ею обладал. Ведь именно сохранение в себе детства, детскости обеспечивало вечное блаженство: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Лк: 18, 16). Христианское воззрение на ребенка и детство, таким образом, целиком и полностью отрицало бытовавшее в Средневековье представление о детях как неполноценных взрослых. Как бы там ни было, а эти представления обеспечивали взрослым некое алиби в их злоупотреблениях по отношению к детям.

Но именно в зрелое Средневековье, в период расцвета городов, детство выходит из узкого семейного круга и делает первый шаг в становлении своего общественного статуса: появляются школы, а вместе с ней и «улица».

И вот уже в следующую эпоху – эпоху Возрождения – детская тема занимает свое место в тематическом репертуаре художественной литературы. Достаточно назвать имена Рабле, Сервантеса, Шекспира, испанский плутовской роман («Ласарильо из Тормес»). Изображаются главным образом страдания детей, и этот аспект детской темы сохранит свою первостепенную значимость на века вплоть до наших дней, и не только в литературе, разумеется. И вот на руках ренессансных Мадонн появляется Христос уже с младенческим ликом.

Варварское отношение к маленьким людям – а оно – увы! – не изжито и по сей день – это только одна сторона медали. Детям дарилась и родительская любовь. И по-

скольку издревле воспитание их лежало на женщине, то это была в первую очередь материнская любовь. В греческой мифологии Гея спасает своего последнего ребенка (Зевса) от отца, пожирателя своих детей Крона. Материнской любовью и опекой окружен божественный мальчик Эрот. (Кстати, уже в этом мифологическом образе схвачена противоречивая сущность детской психологии. Как все дети, Эрот жизнерадостный, шаловливый добрый ребенок, но он может быть и коварным, жестоким и злым. Не случайно Зевс хотел его уничтожить прямо при рождении.)

Была и отцовская любовь, но она явно уступала материнской. Поэтому, вероятно, любимая дочь Зевса Афина и на свет была произведена им самим. Мифология неоднозначно свидетельствует и просто о чадолюбии, т.е. о любви взрослых к детям. Фиванский царь Лаий хотел погубить своего сына Эдипа, а спас его от смерти раб. Существует достаточно свидетельств, однозначно указывающих на то, что древние греки очень хорошо отдавали себе отчет: мир ребенка совсем не тождественен миру взрослого, а потому уделяли первостепенное внимание проблемам воспитания и обучения детей. А в Древнем Риме возникает уже детская медицина – педиатрия. И там уже не только ставились, но и решались такие вопросы воспитания детей, к которым уже совсем в иных исторических условиях обратился Руссо в своем «Эмиле».

XVIII век был переломным в европейской истории детства. И роль Жан Жака Руссо в этом процессе трудно переоценить. Его книга «Эмиль, или О воспитании» (1762) начинается с известных слов: «Все выходит хорошим из рук Творца, все вы рождается в руках человека. <...> Он ничего не хочет видеть таким, как создала природа, – не исключая и человека: и человека ему нужно выдрессировать, как лошадь для

манежа, нужно переделать на свой лад, как он окорнал дерево в своем саду».⁵ Он призывал: «Люди, будьте человечны! <...> Разве есть какая-нибудь мудрость для вас вне человечности? Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту! Кто из вас жалел подчас о том возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа наслаждается постоянно мигом? Зачем хотите вы отнять у этих невинных малюток возможность пользоваться временем, столь кратким и столь быстро от них утекающим, этим драгоценным благом...?»⁶ Хотя Руссо и считал, что у него много противников, этот его призыв уже не был «гласом вопиющего в пустыне». Можно говорить о всеевропейском резонансе книги Руссо, а известный педагог И. Г. Песталоцци создал в Цюрихе учебное заведение, чтобы реализовать на практике педагогические идеи Руссо.

В педагогической теории Руссо встречаются, однако, суждения, явно диссонирующие с ее тоном и смыслом. Например: «Кто берет в свои руки слабого и хилого питомца, тот меняет звание воспитателя на звание сиделки; он тратит на охранение бесполезной жизни время, которое предназначал на увеличение ее ценности...»⁷ «Бесполезная жизнь» – это провокация, правда, скорее всего, невольная, и она сработала у Ницше в его притче о «Священной жестокости»: «К одному святому подошел человек с новорожденным младенцем на руках. “Что делать мне с этим ребенком? – спросил он. – Он жалок, уродлив и недостаточно живой, чтобы умереть”. “Убей его”, – вскричал святой ужасным голосом...»⁸ Рецидив варварства – неизбежный спутник культуры. Оно не только «бытует», оно рядится в одежды всяческих псевдотеорий и доктрин. Этот факт лишний раз подтверждается отношением к детям.

XVIII век открывает новый важный этап в развитии детской темы в литературе, чему в значительной степени способствовал просветительский роман и, в частности, – роман воспитательный, а также и расцвет мемуаристики. За чертой художественного интереса по-прежнему остается младенчество. Гете, касаясь в самом начале «Поэзии и правды» своих «младенческих лет», не считает нужным вдаваться «по этому поводу в кропотливые изысканья, ибо они все равно ни к чему бы не привели...»⁹

Особая роль в реабилитации ребенка и детства принадлежит романтикам. «Романтизм установил культ ребенка и культ детства. XVIII век до них понимал ребенка как взрослого маленького формата, даже одевал детей в те же камзолчики, прихлопывал их сверху паричками с косичкой и под мышку подсовывал им шпажонку. С романтиков начинаются детские дети, их ценят самих по себе, а не в качестве кандидатов в будущие взрослые. <...> В детях максимум возможностей, которые рассеиваются и теряются позднее. Внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском сознании, что будет утеряно взрослыми».¹⁰ И чему тут удивляться, что знаменитое собрание немецких народных песен, изданное романтиками А. Арнимом и К. Brentано, имело заглавие «Волшебный рожок мальчика» (1806 – 1808), а живописец М. Швиндт запечатлел этого мальчика на картине с идентичным названием. Другой художник-романтик Отто Рунге изобразил на своей картине младенца. Оба персонажа представлены в окружении цветущей природы, оба они лежат на земле, а взгляд их устремлен вверх, к небесам. Философско-символическая заданность обоих полотен очевидна. У Ницше в притче «Заратустра о трех превращениях» символом высшей формы духа является

ребенок. «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения». ¹¹ Но главное достижение романтизма состояло не в создании символа, концепта, а в том, что он сумел глубоко заглянуть в детскую душу и открыть ее очень своеобразный по отношению к взрослому иномир. «Одним из существенных завоеваний немецкого романтизма, сделавшихся возможными в результате обращения Брентано, Гофмана, Гримов к народному творчеству, было умение тепло и непринужденно писать о детях» и воспроизводить «своеобразную детскую логику». ¹² Романтизм дал мощный стимул к интенсивному развитию формировавшейся в ту пору детской литературы.

Во второй половине XIX века тема детства приобретает характер и общественно значимой социальной проблемы. Такая эволюция обусловлена распространением грамотности и превращением школы в один из самых значимых институтов общества. Другим явлением, привлекавшим всеобщее внимание, была варварская эксплуатация детского труда. Драма детства, представленная теперь уже в реалиях капиталистической действительности, захватила литературу. И здесь в первую очередь следует назвать Ч. Диккенса. Но и поборник «униженных и оскорбленных» не мог, что очевидно, не поднять свой голос в защиту детей. Одна только его метафора о «слезинке ребенка» (14; 223), вложенная в уста Ивана Карамазова, врзается в память и душу всякого нравственно полноценного человека. Однако оригинальность Достоевского в трактовке драмы детства не ограничивается метафорой, пусть и очень емкой и выразительной. Попробуем уяснить ее, сопоставив смысл двух романских заглавий: «Отверженные», принадлежащее В. Гюго, и «Униженные и оскорбленные» Достоевско-

го. Словарное значение названия оригинала французского романа – «Les misérables» имеет такие значения: несчастный, жалкий, бедный; нищенский, убогий; дрянной, ничтожный, презренный, подлый и т.д. Этот синонимический ряд опредмечивает, он выстраивается взглядом «извне». Семантический вектор «Униженных и оскорбленных» развернут в противоположную сторону, это взгляд «изнутри». Формула «униженные и оскорбленные» применительно к детям фиксирует новый акт драмы детства, где, в отличие от наивной жестокости варварских времен, доминируют «цивилизованное» изощренное издевательство. Кстати, и метафора о слезинке ребенка, которой не стоит «высшая гармония», рождается в контексте рассуждений писателя на тему садистского издеательства над ребенком.

Унижен и оскорблен может быть только человек с развитым чувством собственного достоинства, а оно очень долго считалось прерогативой взрослых. Первый психолог мировой литературы (по определению Т. Манна) и здесь сказал свое слово: «... у ребенка, даже у самого малого, есть и уже сформировавшееся человеческое достоинство» (25; 180). За этим тезисом стоит вся художественная антропология Достоевского, средоточием которой было понятие личности («лица»). И если он поставил перед собой задачу найти человека в человеке, то и в ребенке он стремился открыть – ребенка. А открыл он опять же личность, причем личность уже в самом младенце, едва появившемся на свет. По поводу смерти своего «первого дитяти» – Сони – Достоевский поделился своим горем с А. Н. Майковым. В письме к нему есть такие строки: «Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное для меня было уже лицо и характер». Несколькими строками ниже Достоевский называет умершую Соню «маленькой личностью»

(28₂; 297). Тем самым он подтвердил нашу парадразу найти в ребенке именно ребенка, а не взрослого, и уж никак не «недоразвитого взрослого». И тот факт, что детские поступки подчас укладываются в поведенческие схемы взрослых, ничего не меняет: мотивировка их, как убедительно показывает писатель, существенно иная, детская. Ограничимся одним только примером. В «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский поместил материал «Дело родителей Джунковских с родными детьми». Маленькие дети Джунковские совершили ужасный по/проступок: они секли розгами по лицу свою мертвую сестру. «Какая изощренная жестокость!» – сразу приходит в голову. Достоевский дал другое объяснение, адекватное детской психике (хотя за этот проступок, уверен писатель, детей «следовало наказывать, и строго» – 25; 187). «То, что они секли розгами по лицу мертвую сестру за то, что она когда-то на них жаловалась, конечно, возмутительно. <...> Но постараемся быть беспристрастными и, клянусь Вам, увидим, что даже и это лишь детская шалость, именно – это детская “фантастичность”. Тут что-нибудь от воображения детей, а не от развращенного сердца. <...> В свином своем хлеве, по ночам, засыпая или сидя за скучными уроками, или запертые

в сортире, маленькие Джунковские могли приучить себя к мечтаниям – и к добрым, сердечным, и к озлобленным, или просто к сказочным, фантастическим. <...> Когда умерла сестра, кто-нибудь из них троих, греясь под уголком своего рваного одеяла, мог придумать: “А знаешь, Никола, ведь Бог-то ее нарочно наказал за то, что она злая была. Давайте ее завтра розгами сечь, пусть она смотрит сверху, видит и знает, что нельзя пожаловаться!” » (25; 186 – 187).

---

¹ Винничук Л. Люди, Нравы, Обычаи Древней Греции и Рима. М. Высшая школа. 1988. С.155 – 157.

² Августин Аврелий. Исповедь. Паскаль Блез. Письма к провинциалу. Симферополь. «Ренеме». 1998. С. 26.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI – XIII веков. М. «Искусство». 1978. С. 103.

⁴ Там же.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. М. «Педагогика». 1961. С. 24.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. М. «Мысль». 1990. С. 557.

⁹ Гете Й.В. Из моей жизни. Поэзия и правда. М. Художественная литература. 1969. С. 39.

¹⁰ Берковский Н. Романтизм в Германии. СПб. «Азбука-классика». 2001. С. 31.

¹¹ Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. С. 19.

¹² История немецкой литературы в пяти томах. Т. 3. М. «Наука». 1966. С. 163.